Очень часто актерам кино задают стереотипные вопросы: почему вы играете такую роль или другую, почему не иную?

На этот раз дело было так.

Я сидела дома и никого не трогала, и вдруг ночью за мной неожиданно приехал взволнованный человек.

— Скорее, пожалуйста, скорее. Машина ждет. Надо ехать на «Мосфильм». Ролан просит вас приехать.

При имени режиссера Ролана Быкова актер сразу меняет свои намерения, как кролик, нечаянно встретивший удава.

— Скорее, скорее, — подталкивал меня приехавший человек.— Ничего я вам ответить не могу, там все узнаете.

Мчимся по ночной Москве, как «скорая помощь». И сразу из машины, из темноты, бегом по длинным коридорам, влетаем в павильон. Здесь все залито ярким светом, все в движении. Громадный зал полон народу, массовка в гриме, в костюмах. В каждом углу — разговоры, репетиции, все кого-то ждут—и вот через весь этот зал идет Ролан, спокойно и медленно, как всегда, когда он особенно взбешен.

Своим тихим, специальным, противным голосом, глядя мне в глаза, как типу, от которого он ждет сопротивления, и усаживая меня на один из бесчисленных стульев в декорации библиотеки, он объясняет мне, что я должна сейчас же, немедленно сыграть в этой сцене эпизод, очень простой, доступный моему пониманию и моим возможностям, что срывается съемка, что его подвели, кто-то там заболел... За эти несколько минут к нему все время подбегают ассистенты, рабочие, помощники, дети самые, самые разные — от школьников до маленьких созданий на руках у взрослых теток, все его о чем-то спрашивают. Я говорю ему, что я очень рада, что я согласна на все, стараюсь быть кроткой, только чтобы его успокоить. Ролан немедленно вскакивает и кричит громовым голосом:

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Я снимаюсь в «ТЕЛЕГРАММЕ»

— В чем дело? Что за разговоры в студии? Тишина! Включить весь свет! Все по местам! Съемка!

Наступает немыслимая тишина. Все на местах, щелчок хлопушки, начали. Я произношу свою реплику, стараясь сделать все как можно прекраснее, и вдруг: «Стоп! Выключить свет!». Темнота. Остаются только дежурные лампы.

Минута недоумения, затем люди начинают медленно разбредаться кто куда, они здесь уже много часов, ночная смена, кто беседует, кто ужинает, многие читают, благо дело происходит в библиотеке. Я остаюсь одна в страхе: неужели я что-то не так сказала? Вижу, что съемочная группа окружила Быкова, он на кого-то орет, кто-то кричит на него, все размахивают руками. Что там еще случилось?

В это время ко мне подходит Анатолий Мукасей, удивительно длинный и талантливый оператор, который объясняет мне, что тут произошло недоразумение, меня надо совсем не в той роли снимать, а совершенно в другой, что это очень важно для фильма.

Ну, уж не буду долго расписывать, как было дело, словом, пришлось мне немедленно взяться за роль писательницы, которая как раз здесь, в библиотеке, рассказывает читателям о своем творческом труде. Написав, правда, пока одну книжку, она уже объехала полстраны, побывала и за рубежом. Попав каким-то случайным образом в обойму людей авторитетных, она повсюду рассказывает о детской психологии и главным образом о себе, говоря языком трюизмов и штампов о роли детской литературы и неповторимости детской души.

А что было потом? Потом мой любимый Ролан Быков разрезал меня, как это водится в кино, на мелкие кусочки, и я так и не сказала с экрана ни одной целой фразы. Хотя бы такой (она сейчас наполовину звучит за кадром): «Дети всегда дети! Вспомните себя в детстве: небо было гораздо голубее, море — значительно синее, снег был несравненно белее, а трава — трава была просто до жути зеленее».

Рина ЗЕЛЕНАЯ.